

Глава 2. Первая встреча, воссоединение

Чжао Жуншуан уже нарисовал в своем воображении тысячу и одну сцену того, как этот дурачок с радостной улыбкой вручает ему честно заработанные деньги. И пусть у него не было ни малейшего желания начинать учебный год, ради скорейшей встречи со своим маленьким дурачком он послушно явился на регистрацию вовремя.

Однако реальность, кажется, решила щелкнуть его по носу. Не слишком ли он наивен?

Глядя на пустой класс, Чжао Жуншуан почувствовал, как внутри все сжимается от досады. Локти кусать уже поздно, но разочарование накатило знатное.

В этот момент мимо его парты как раз проходил классный руководитель, Лао Ван.

— Учитель Ван, разве нам не сегодня днем велели явиться? — растерянно спросил Чжао Жуншуан. — Почему здесь почти никого нет?..

Он обвел взглядом кабинет: за столами сидели лишь несколько случайных фигур.

Лао Ван тяжело вздохнул. Смирившись с тем, что его класс пока напоминает пустыню, он попытался утешить ученика, а заодно и себя:

— Ничего страшного, через пару дней все подтянутся. Эх, сейчас ведь у всех дела... Ха-ха...

«Ага, дела у них. Разъехались небось по курортам, развлекаются вовсю, — мысленно фыркнул Чжао Жуншуан. — А я тут сиди»

Лао Ван окинул взглядом горстку присутствующих учеников, которые со своим сонным видом не производили впечатления гениев мысли, вздохнул еще раз и махнул рукой:

— Ладно, занимайтесь пока самоподготовкой. Как только большинство соберется, сразу начнем уроки.

— Погодите! Учитель Ван, а вы не знаете, наш первый ученик, этот... стобалльник, уже приехал?

Лао Ван лишь молча покачал головой и, оставив подопечных наедине с их унылой самоподготовкой, неторопливо вышел из класса.

«Неужели и этот маленький дурачок еще не явился?»

Чжао Жуншуан с силой тряхнул головой, прогоняя глупую мысль о том, что он сам выглядит куда глупее этого отсутствующего отличника. Сейчас его занимало другое: как бы незаметно ускользнуть из школы и поскорее распродать свои картины.

Внезапно кто-то легонько похлопал его по плечу. Чжао Жуншуан обернулся и увидел сидящего сзади парня, который дружелюбно улыбался.

— Эй, привет! Ты у нас новенький, да? Меня зовут Цзян Тяньнин, давай дружить!

Чжао Жуншуан удивленно приподнял бровь.

«А мы разве не все тут новенькие?» — пронеслось в его голове.

Но вслух он с притворным сочувствием произнес:

— Извини, сразу не сообразил... Ты что, на второй год остался?

— Я... — Цзян Тяньнин едва не задохнулся от возмущения. На язык этому парню явно лучше было не попадаться! Однако, будучи по натуре человеком отходчивым и дружелюбным, он сдержался и терпеливо пояснил: — Какой еще второй год! Ты просто не в курсе. Почти все ребята в этом классе перешли напрямую из Нулевого класса Второй средней школы города У. Так что мы сто лет друг друга знаем!

Цзян Тяньнин кивнул в сторону остальных одноклассников, и те подтвердили его слова согласием.

— А-а, теперь понятно, — протянул Чжао Жуншуан. — Слушай, раз вы все оттуда, значит, ты наверняка знаешь того мелкого дура... кхм, то есть, я хотел сказать, лучшего ученика, который набрал шестьсот восемьдесят баллов?

— Еще бы не знать! Это же наш Брат Цзэ! — При одном упоминании о гениальном друге лицо Цзян Тяньнина просияло от гордости. Но тут он подозрительно прищурился и заговорщически прошептал: — Слышь, а ты сам-то часом не из тех, кто перевелся сюда ради него?

— В смысле?

— Да ладно тебе, не отпирайся, у тебя на лбу все написано! Ты ведь из другой школы прибежал, обычный фанат нашего Брата Цзэ, угадал? Да тут стыдиться нечего, у него харизма — дай боже. Куча народу перевелась в Первую среднюю школу города У только ради того, чтобы учиться с ним в одном классе! Ладно, теперь мы в одной лодке. Будут проблемы — обращайся. Как только он придет, я шепну ему словечко, организую автограф, без проблем...

Чжао Жуншуан лишь молча лишился дара речи.

— Что ж, премного благодарен... — наконец выдавил он. — Кстати, у меня вопрос. Твоя фамилия случайно не Ши?

— С чего бы? Я же сказал — Цзян Тяньнин. Только что ведь познакомились!

— Ой, прости, из головы вылетело. А я уж подумал, тебя зовут Ши Чжэньсян...

Цзян Тяньнин на секунду завис, переваривая услышанное, пока остальные ребята в классе прыскали со смеху. Чжао Жуншуан дружески похлопал его по плечу:

— Ладно-ладно, шучу я, не обижайся! Слушай, одолжишь мне куртку на пару минут?

Цзян Тяньнин на автомате протянул ему свою куртку. Чжао Жуншуан, который и так был не налегке, натянул ее поверх собственной одежды и закутался по самые уши. Со стороны он выглядел как законченный безумец, и сидевшие рядом одноклассники укрепились в подозрении, что у парня явно не все дома. Цзян Тяньнин уныло вздохнул про себя, проклиная свое везение: надо же было вместо обожаемого Брата Цзэ наткнуться на какого-то сумасшедшего!

Сам же Чжао Жуншуан плевать хотел на косые взгляды. Он выбрал парту у окна, куда вовсю пекло солнце, и уселся греться. Буквально через пару минут его лицо покраснелось, а лоб покрылся испариной. Этот старый проверенный трюк он использовал годами, чтобы прогуливать занятия. По природе своей он был бунтарем и авантюристом, но всегда умел напустить на себя вид прилежного, послушного мальчика, обводя вокруг пальца даже самых строгих учителей.

Изобразив на лице вселенскую скорбь и немощь, подобно хрупкой Линь Дайюй на ветру, он едва волоча ноги поплелся в учительскую к Лао Вану.

— О господи! Да ты весь горишь! И испарина на лбу! — всполошился Лао Ван, едва коснувшись его лба.

Медпункт в этот час уже наверняка был закрыт, поэтому встревоженный учитель порывался лично отвести бедолагу в городскую больницу.

— Не нужно, учитель Ван, спасибо вам... Мне просто нездоровится. Я пойду домой, отлежусь немного, и все пройдет.

Чжао Жуншуан говорил тихим, едва различимым шепотом, симулируя крайнюю степень изнеможения. Сердобольный Лао Ван, искренне заботившийся о своих учениках, без лишних расспросов выписал ему освобождение.

Спектакль был разыгран безупречно: уходя, Чжао Жуншуан шатался и едва не задевал плечами косяки. Провожая его сочувственным взглядом, Лао Ван мысленно костерил директора Цзяна: надо же так замучить ребенка учебой, довести до полного истощения еще до начала занятий!

«Простите меня, учитель Ван, я не хотел вас обманывать. Вы такой замечательный человек, а я поступил так скверно... Чжао Жуншуан, ну и негодяй же ты!»

Но иного пути не было. Когда придет время платить за учебу, без этих денег ему придется туго. Если сейчас не подзаработать, придется лапу сосать. А учитель Ван ведь не хочет, чтобы его любимый ученик голодал? Значит, все оправданно. Он просто самостоятельный мальчик, который сам заботится о своей жизни.

После недолгой внутренней борьбы голос разума, призывавший к выживанию, одержал сокрушительную победу. Собственно, по-другому и быть не могло, ведь именно благодаря этой хватке Чжао Жуншуану удавалось справляться со всеми невзгодами.

Вернувшись в общежитие, он за пару часов набросал еще несколько пейзажей и ближе к сумеркам отправился со всей этой стопкой акварелей в парк у озера, что раскинулся неподалеку от Первой средней школы города Y.

— Почтеннейшая публика, обратите внимание на этот шедевр! Картина «Скрытые зеленые горы, далекие воды»! Посмотрите на эти туманные выси, на это мягкое лунное сияние — я ночами не спал, чтобы передать эту глубину! А вот здесь — знаменитая «Весенняя река в лунную ночь»! Весенний прилив сливается с морской гладью, и ясная луна восходит вместе с волной! Проходите, не стесняйтесь, не упустите свой шанс прикоснуться к великому искусству! Не за девятьсот девяносто восемь юаней! И даже не за шестьсот шестьдесят восемь! Отдаю за бесценок — всего двести восемьдесят восемь юаней за картину!

— С самых малых лет я предан кисти и краскам, всем сердцем любя каждую травинку, каждое дерево в этом мире! Глубокой ночью, когда город засыпает, я изливаю душу на бумагу. Для кого-то это просто листы бумаги, но для меня здесь — вся моя жизнь, мои радости и печали, мои самые сокровенные чувства!

— Увы, бедность не позволяет мне продолжать учебу безбедно... Мне еще нет восемнадцати, и приходится выходить на улицу, чтобы хоть как-то прокормить себя. Понимаю, что торговать искусством на углу — занятие недостойное благородного мужа... стыдно, невыносимо стыдно!

Спектакль с саморекламой и напускной скромностью удался на славу. Несмотря на то что подобные поделки на Таобао стоили от силы пару десятков юаней, Чжао Жуншуан упрямо ломил тройную цену. Прохожие не только не крутили пальцем у виска, но и искренне восхищались талантливым парнем с трудной судьбой, который вопреки всему не растерял гордости и благородства. Растроганные горожане охотно открывали кошельки.

Покупали они, конечно, не посредственную мазню — они платили за возможность помочь

юному непризнанному гению с чистой и ранимой душой.

Накануне продажи последнего холста мимо импровизированного прилавка прошел высокий, стройный юноша. Его лицо скрывала защитная маска, но даже так он резко выделялся из толпы. Белоснежная футболка подчеркивала безупречную осанку, на переносице поблескивали стильные очки в темной оправе, а кожа казалась фарфорово-белой. В руках парень держал охапку светящихся воздушных шаров, которые начал раздавать бесплатно всем проходящим мимо ребяташкам.

За считанные мгновения вся толпа, окружившая было Чжао Жуншуана, переключилась на этого щедрого незнакомца.

Чжао Жуншуан так и застыл с зажатым в руке свитком.

«Это что еще за явление? — возмутился он про себя. — Решил примерить на себя роль главного героя?»

Да какой к черту герой! Тот, кто беспардонно крадет у него покупателей, заслуживает лишь звания главного злодея!

Шарики быстро закончились, и толпа разошлась так же стремительно, как и собралась. Парень в маске подошел к прилавку Чжао Жуншуана и указал длинным, изящным пальцем на оставшийся свиток:

— Продаете еще? У меня как раз есть триста юаней наличными.

— Не продается! Лавочка закрыта! — буркнул Чжао Жуншуан, демонстративно сворачивая холст. Много чести — баловать шедеврами всяких выскочек!

Схватив свои пожитки, он сердито зашагал прочь.

Последующие несколько дней Чжао Жуншуан вел себя тише воды, ниже травы, исправно просиживая штаны на уроках. Правда, занимался ли он в это время учебой или просто витал в облаках — вопрос оставался открытым.

Обычно он не утруждал себя разглядыванием одноклассников. Внутренняя непоколебимая уверенность твердила ему, что прекраснее его самого в этом мире существа нет, а если уж и захочется полюбоваться истинной красотой, то достаточно просто заглянуть утром в зеркало. Из-за этого нарциссизма он за неделю так и не запомнил толком ни одного лица в классе.

Однако появление очередного опоздавшего заставило его изменить своим привычкам. С той самой секунды, как Лао Ван привел новичка и тот поднялся на кафедру, Чжао Жуншуан не мог отвести от него глаз. В груди шевельнулось странное, щекочущее чувство дежавю. Он даже

отложил карандаш, забросив набросок, и судорожно пытался вспомнить, где же они могли пересекаться.

Тот тоже заметил его пристальный взгляд и едва заметно, но поразительно тепло улыбнулся.

«Ого! Ишь как зыркает. Значит, точно где-то виделись!» — заключил Чжао Жуншуан, заинтригованный до предела.

Самопредставление новенького разительно отличалось от выступлений предыдущих ребят — никакой неловкости, зажатости или, напротив, панического веселья. Он держался с таким достоинством, серьезностью и деловой сдержанностью, словно проходил собеседование на руководящую должность в солидной корпорации. От его манер веяло врожденным благородством.

Поистине безупречный вид.

«Сразу видно — птица моего полета!» — самодовольно подумал Чжао Жуншуан.

Юноша заговорил, и его голос, глубокий, бархатистый, сочетавший в себе прохладу и мягкость, мгновенно приковал к себе внимание:

— Всем привет. Меня зовут Чжоу Цзэвэнь.

Чжоу Цзэвэнь...

Чжао Жуншуан легонько ткнул сидящего сзади Цзян Тяньнина ручкой:

— Тот самый Брат Цзэ?

Тот от избытка чувств лишь беззвучно закивал, словно китайский болванчик. В классе тут же поднялся тихий шепоток: ребята захлеб обсуждали былые заслуги и невероятные достижения новоявленного гения.

«Так это он?» — Чжао Жуншуан критически окинул взглядом Чжоу Цзэвэня. Судя по серьезному лицу, развести этого парня на деньги будет ох как непросто. С досады он мысленно закатил глаза.

Чжоу Цзэвэнь, не заметив этой пантомимы, спокойно спустился с трибуны и направился напрямик к свободному месту по соседству с Чжао Жуншуаном.

— Привет. Не возражаешь, если я займу место у окна? — вежливо поинтересовался он.

Цзян Тяньнин сзади отчаянно замахал руками, безмолвно умоляя Чжоу Цзэвэня пересесть к нему, но тот даже не повернулся. Чжао Жуншуан, хоть и скрипел зубами от нежелания делить парту с этим конкурентом, все же нехотя отодвинулся, освобождая проход.

Натянув на лицо самую дружелюбную из своих масок, он изобразил искреннее радушие, хотя в душе его бушевала буря.

«Какого черта происходит? Ощущение, будто меня грабят среди бела дня без права переписки!»

С трудом сдерживая раздражение, Чжао Жуншуан уткнулся в свой альбом, ожесточенно выводя штрихи. Но мысли то и дело возвращались к «Маленькому дурачку шестьсот восемьдесят», который так не вовремя разрушил его гениальный бизнес-план. Сосредоточиться не получалось никак.

Он искоса глянул на новоиспеченного соседа и разозлился еще сильнее.

«Я тут, понимаешь, места себе не нахожу из-за твоей персоны, а ты преспокойно строчишь конспекты? Да еще и улыбаешься чему-то? Ну нет, это просто возмутительно!»

Он слегка пихнул Чжоу Цзэвэня локтем в бок и придвинул к нему лист бумаги, на котором размашисто вывел:

«Мы ведь где-то виделись, верно?»

Чжоу Цзэвэнь взял ручку и вывел аккуратным почерком чуть ниже:

«Да, в парке у озера. Ты продавал картины»

Чжао Жуншуан похолодел.

«Вот же черт! Спалился перед одноклассником на уличной торговле... Почему мне вдруг стало так неловко?»

На листке появилась новая строчка:

«У тебя потрясающий талант. Твои пейзажи прекрасны»

Чжоу Цзэвэнь повернулся к нему и обезоруживающе улыбнулся. Его темные глаза, глубокие и чистые, полыхнули живым теплом, словно в них действительно отразилась россыпь далеких созвездий.

Все обиды Чжао Жуншуана на «Шестьсот восемьдесят», коварно лишившего его заслуженной премии, мгновенно испарились под этим взглядом. Ну как можно злиться на человека, который так искренне восхищается твоим искусством?

Повинуясь какому-то необъяснимому порыву, он быстро приписал снизу:

«Ладно уж, могу подарить тебе одну. Бесплатно»

Но едва чернила высохли, Чжао Жуншуан готов был покусать собственный локоть.

«Да что со мной не так?! Зачем разбрасываться деньгами? Двести юаней на дороге не валяются! Это же две сотни!»

Душа плакала кровавыми слезами от невосполнимой утраты.

Но марку нужно было держать. И Чжао Жуншуан продолжал выжимать из себя самую дружелюбную улыбку, на которую только был способен.

«Спасибо» — коротко отозвался Чжоу Цзэвэнь.

— Жуншуан, тебе бы почерком заняться, а то смотреть больно, — внезапно раздался над ухом вкрадчивый голос Лао Вана. Оказывается, учитель уже какое-то время стоял позади и с интересом читал их тайную переписку. — Уверен, те два балла, которых тебе не хватило до результата Цзэвэня на Государственном экзамене в старшую школу, ты потерял именно из-за этих каракулей.

Удар пришелся под дых. Чжао Жуншуан мгновенно перестал улыбаться, обнажив всю гамму бушевавших в нем чувств.

Он невольно сравнил их записи. Ровные, каллиграфические иероглифы Чжоу Цзэвэня выглядели безупречно — аккуратные, четкие, они словно отражали внутреннюю гармонию своего создателя. Такой почерк заслуживал искренних аплодисментов. Но его собственные каракули, напоминавшие безумные пляски пьяных змей, на этом фоне смотрелись как форменное издевательство над письменностью.

«Ладно, признаю... Пишу я как курица лапой» — уныло подумал он.

Но зачем же Лао Ван так безжалостно рубит правду-матку при всех?

Впервые в жизни Чжао Жуншуан ощутил на себе всеокрушающую ауру отличника. И в этот раз ему не понадобилась вторая куртка — лоб действительно покрылся холодным потом от уязвленного самолюбия.

Весь оставшийся день он провел в мучительных раздумьях, тщетно пытаясь нащупать хоть какую-то область, в которой мог бы превзойти своего соседа по парте. Но факты были упрямы: за эти злосчастные два балла его уже успел знатно высмеять директор Цзян, прозванный Старым Имбирем. К тому же Чжоу Цзэвэнь явно не бедствовал — иначе с чего бы ему отказываться от обсуждения стипендии с администрацией школы? Мало того что богат и чертовски хорош собой, так еще и умом не обделен! Почему мир так несправедлив?

В такие дебри лучше было не соваться, иначе недолго и самому пасть ниц перед столь грозным соперником.

Мысленно Чжао Жуншуан уже проливал горячие слезы бессильного восхищения.

«В моей жизни есть лишь два повода для сокрушения: во-первых, мне все еще нет восемнадцати, а во-вторых, я уступаю Чжоу Цзэвэню и в уме, и в стати!»

Впрочем, говорят же, что за каждым великим мужчиной стоит кто-то еще более великий. Что ж, раз судьба подкинула ему такого выдающегося соседа по парте, значит, его собственный путь к успеху просто обречен на триумф!

<http://bllate.org/book/20592/2115679>